

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

М.А. Маслин

НИКОЛАЙ ДАНИЛЕВСКИЙ: МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМ И ПАНСЛАВИЗМОМ

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@yandex.ru

Книга Данилевского «Россия и Европа» написана по горячим следам Крымской войны 1853–1856 гг., когда державы Священного Союза, нарушив политическое равновесие после победы армии Александра I над Наполеоном, вновь развязали агрессию против России, единственного в Европе суверенного государства славян. Книга явилась своеобразным интеллектуальным эпилогом Крымской войны, в ней были поставлены две центральные проблемы: *во-первых*, показать суверенность и будущность славянской цивилизации, представляющей славянство во главе с Россией, имеющей свое легитимное историческое место в Европе как самостоятельный культурно-исторический тип; *во-вторых*, представить проект Всеславянского союза в качестве защитного барьера против агрессии Европы. Славянская федерация задумана Данилевским в качестве мегагосударственного объединения этнических групп славян, имеющих общее наследие и культуру, но обитающих в рассеянии в Османской и Австро-Венгерской империях. Решение первой задачи основывалось на традициях русской мысли, прежде всего славянофильства, явилось его «кульминацией» (Н.Н. Страхов) и русским вкладом в мировую цивилизационную теорию. Решение второй проблемы мыслилось «в кругу консервативной утопии» (А. Валицкий) и восходило к европейскому панславизму (австрославизму), созданному на территории Австро-Венгрии еще в начале XIX в. Противоречивое соединение славянофильства и панславизма в книге Данилевского «Россия и Европа» является предметом историософского анализа в настоящей статье.

Ключевые слова: славянофильство, панславизм, австрославизм, культурно-исторические типы, Россия и Европа, славянский культурно-исторический тип

Для цитирования: Маслин М.А. Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 4. С. 5–18.

В 1869 г. русский ученый Николай Данилевский опубликовал в виде серии статей в журнале «Заря» капитальный труд под названием «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-романскому». Это был первый в интеллектуальной истории манифест теории локальных цивилизаций. Дальнейшее развитие эта теория получила уже в XX в. – в двухтомнике «Закат Европы» немецкого философа Освальда

Шпенглера (1918, 1922), в многотомной монографии британского историка Арнольда Тойнби «Постижение истории» (1934–1961), а также в ряде работ американского социолога и философа Питирима Сорокина. Уникальность выступления Данилевского состояла в отсутствии связи автора с каким-либо групповым идейно-философским либо политическим интересом, если не считать прошлое кратковременное увлечение учением Шарля Фурье во времена посещения им «пятниц» в кружке М.В. Буташевича-Петрашевского. Общее идейное направление кружка Петрашевского было западничество и утопически-социалистическое, связанное с тем, что петрашевец Ф.М. Достоевский называл увлечением просветительской «философией среды» («сделай среду лучше, и человек будет лучше»). Преодоление «философии среды», как известно, привело Достоевского к формированию консервативной философии почвенничества, идеи которого излагались на страницах журналов братьев Федора и Михаила Достоевских «Время» и «Эпоха» при активном участии Аполлона Григорьева и Николая Страхова. Данилевский также становится после «дела петрашевцев» консерватором и убежденным государственным деятелем, выступает деятельным участником различных научных, хозяйственных, природно-охранных проектов на периферии Российской империи, на Севере и на Юге, в Поволжье, Новороссии, в Крыму и на Кавказе. Текст «России и Европы» автор писал в перерывах между многочисленными экспедициями и командировками, в известном смысле жертвуя возможностью применить свои обширные научные познания в столичных «больших делах». Автор «России и Европы» был мало озабочен публичным продвижением книги при жизни, почему она и находила своего читателя в течение всего XIX в., постепенно наращивая тем не менее свою известность (5-е издание вышло в 1895 г.).

Данилевский не опирался на какую-либо определенную философскую концепцию, представляя собственное консервативное мировидение, которое было синтезом натурфилософских и естественно-научных идей, составивших, по определению А.А. Галактионова, особую разновидность органической теории, ставшей методологической основой цивилизационной концепции Данилевского и ее ядра – учения о культурно-исторических типах¹. Указание на самостоятельный культурно-исторический статус России отражено уже в самом названии книги, где слова «Россия» и «Европа» соединяются не конъюнкцией, а слабой дизъюнкцией. Это значит, что слова эти не только соединяются, но и разделяются по принципу и/или. В историософском и культурфилософском отношении это означает, что Россия, будучи географически расположена в Европе, культурно-исторически олицетворяет собой иной мир, отличный от западного, германо-романского. В геополитическом смысле это значит, что романо-германские начала в облике ведущих европейских держав, с одной стороны, и ведомые Россией славянские государственно-политические начала, с другой, не столько существуют, сколько находятся в состоянии перманентной исторической борьбы. Враждебные силы стремятся вытеснить Россию из Европы не только силой оружия, но и силой презрения, посредством глубоко укоренившегося на Западе невежества вокруг всего, что касается нашего отечества.

¹ Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. V–XX.

Эта констатация, раскрытая в начале книги, в главе «Почему Европа враждебна России?» предваряется стихотворным эпиграфом: «Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья / Тысячглавой лжи газет, / Измены, зависти и страха порожденья. / Друзей у нашей Руси нет!». Российские цивилизационные основы, выработанные органическим путем и присущие России как особому организму, выросшему на ее исторической территории, являются своеобразными и непередаваемыми иным культурно-историческим типам. Когда на российское бытие переносятся «общечеловеческие» правила агрессивного поведения европейских держав, которым Россия «должна следовать», но не следует (!), в европейском сознании возникают разного рода злонамеренные измышления. Самым устойчивым и неискоренимым является миф о «завоевательном» характере русской цивилизации, основанный на иррациональном «ландкартном давлении», т.е. на беспричинном страхе перед огромностью российской территории, нависшей над Европой как «грозный кошмар». Этот страх не принимает во внимание никакие рациональные доводы в пользу того, что эти территории по праву принадлежат исторической России, но напротив, провоцирует иллюзорные желания сократить «избыточные» и «незаконно захваченные» российские земли.

Пионерское значение теории культурно-исторических типов Данилевского состояло в том, что она конкретным образом, на основе анализа множества естественно-научных и гуманитарных данных из разных областей опровергла универалистскую версию исторического прогресса, где в качестве нормативного критерия выступал германо-романский «общечеловеческий» западоцентризм. Взамен он противопоставил «всечеловеческую» точку зрения, исходящую из презумпции существования в человечестве ряда культурно-исторических типов (одного из них – славянского), представляющих каждый в отдельности многообразие путей к общественному прогрессу. Так, Данилевский впервые вводит в науку понятие «китайского культурно-исторического типа», наиболее убедительно опровергающее сегодня западническую претензию на универсальное «общечеловеческое значение» наследия и путей развития народов «европейского типа». Это новаторство Данилевского, признанное сегодня в китайском общественном сознании в качестве научного открытия², особо отметил Страхов в предисловии к третьему изданию «России и Европы»: «Для обыкновенного историка такое явление, как, например, Китай, есть нечто неправильное и пустое, какая-то ненужная бессмыслица. Поэтому о Китае и не говорят, его выкидывают за пределы истории. По системе Данилевского, Китай есть столь же законное и поучительное явление, как Греко-Римский мир или гордая Европа»³. Совершенно прозрачно и неоспоримо выглядит отвержение Данилевским пресловутого линейного понимания истории, согласно которому прогресс «состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития,

² Ли Хайянь. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае. Автореф. дис. ... к. филос. н. М., 2010.

³ Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. XXX.

в сравнении с ее предшественницами, или современницами, во всех сторонах развития»⁴.

Распространенное стереотипное мнение о том, что «Россия и Европа» Данилевского явилась продолжением и развитием идей основателей славянофильства, нуждается в разъяснении и уточнении. Данилевский, действительно, неоднократно и с большой симпатией упоминает имя основателя славянофильского учения А.С. Хомякова. В нескольких местах книги приводятся в качестве эпиграфов строки его патриотических стихотворений, подчеркивающие особое призвание России на христианском Востоке⁵. Однако если сравнивать взгляды Данилевского на государство как на важнейшую основу существования России с аналогичными воззрениями славянофилов, то нельзя не заметить принципиальные отличия. Они касаются, прежде всего, распространенной в славянофильских кругах концепции «земли и государства» Константина Аксакова, являющейся своеобразной трактовкой договорной теории с элементами анархизма. Суть ее изложена в записке Аксакова на высочайшее имя, адресованной Александру II «О внутреннем состоянии России» (1855). Она утверждает необходимость предоставления народу свободы мнений, а государству – свободы управлять. Данная теория «негосударственности русского народа» подпитывалась убеждением в том, что русские не ищут участия в управлении, поскольку основу русского быта составляет общинный строй, государственный элемент появился позже как результат чуждого влияния. Аксаков противопоставил государственное (государево) общественному (земскому), тогда как государство «по преимуществу дело военное», смысл которого в «защите и охранении жизни народа»⁶. Государственник Данилевский не мог согласиться с подобной недооценкой роли государства в сохранении и укреплении исторической России. Ее неудачи и поражения объяснялись отнюдь не чрезмерным влиянием государственных начал, но, напротив, недостатком «государственной сосредоточенности». Поэтому главным условием спасения народной русской жизни, по Данилевскому, явилось в действительности утверждение политического могущества и укрепление политической самостоятельности государства.

«Россия и Европа» стала достоянием литературной общественности благодаря, прежде всего, деятельной поддержке Страхова, который взял на себя заботу о продвижении первой журнальной публикации книги Данилевского (первоначальный вариант предполагался в малотиражном «Журнале министерства народного просвещения»). При помощи Страхова выходили и последующие издания книги. Именно Страхову принадлежит сочувственная и комплиментарная характеристика труда Данилевского как «катехизиса или кодекса славянофильства». Однако эту характеристику не следует понимать в качестве определения доктринальной приверженности Данилевского этому идейному течению. Объяснение дает сам автор этой характеристики следующим образом: «Автор “России и Европы” нигде не опирается на славянофильские учения как на что-нибудь уже добытое и догнанное. Напротив, он исключительно развивает свои собственные мысли и основывает их

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 92.

⁵ См., например, стихи «Раскаявшейся России»: «О, Русь, как муж разумный, / Сурово совесть допросив, / С душою светлой, многодумной / Идем на Божеский призыв».

⁶ Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 252–258.

на своих собственных началах»⁷. Между Данилевским и Страховым сложились дружеские отношения, благодаря которым в значительной степени осуществлялось продвижение идей автора «России и Европы» в русском общественном сознании. Оба они пришли к философии от естествознания (Страхов был биологом и зоологом, а Данилевский – ихтиологом и ботаником). Постпросветительская метафизическая ориентация, установка на национально-государственные начала, неприятие нигилизма и материализма – вот те ориентиры, которые предлагались почвенническим направлением 1860-х гг., которое продолжило славянофильство 1830-1840-х гг. Налицо перекличка даже по названиям основных произведений: Страхова – «Борьба с Западом в нашей литературе» и Данилевского – «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому».

Называя книгу Данилевского «кодексом славянофильства», Страхов, как представляется, имел в виду также то обстоятельство, что ее появление может рассматриваться как определенный итог славянофильской доктрины. Ее развитие уже исчерпало в основном свой идейный и общественный потенциал, достигший апогея в период подготовки Положения 19 февраля 1861 г., авторство которого принадлежало славянофилу Юрию Самарину. Славянофильство уступало дорогу новому политически активному течению, которое не было по своему происхождению собственно русским, поскольку зародилось в Австро-Венгрии еще в 1820-х гг., а затем распространилось по Европе. Имя этого течения панславизм и к его становлению Данилевский отношения не имел, однако его «Россия и Европа» не могла не высказать свое касательство к идее панславизма, сердцевиной которой было учение о всеславянской федерации.

Необходимо пояснить, что никакого интегрального славянофильства в действительности не существовало и пройти какую-либо специальную «выучку» в московских славянофильских кружках петербуржцев Данилевский, разумеется, не мог. Кроме того, славянофильство как течение мысли, существовавшее на страницах журналов, а не на университетских кафедрах, допускало большую степень свободы в широком кругу славянофильствующих литераторов, историков, публицистов, предполагавшую с самого начала полемику и сосуществование разных мнений. Не случайно само появление этого «московского направления» ознаменовано в конце 1830-х гг. спорами между его основателями – А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским, что дало В.В. Зеньковскому повод утверждать о том, что правильнее говорить не о философии славянофильства, а о философии отдельных славянофилов. В отличие от московских славянофилов, Данилевский не был поклонником немецкой классической философии, более того, он считал «идеально-философское направление» Германии наряду с французским Просвещением характерным достоянием прошлого, XVIII в. XIX в. ознаменован пробуждением новых движений, «смещением национальных движений с движениями политическими», что и стало, по Данилевскому, «господствующим явлением деятельной жизни народов» с самого начала XIX столетия. Таким образом, можно заключить, что в действительности под славянофильством Данилевского Страхов подразумевал приверженность к выработке им собственного цивилизационного учения, утяжеленного тем «привеском», который в него внес панславизм.

⁷ Страхов Н.Н. Жизнь и труды Данилевского. С. XXX.

В современных философско-политических исследованиях отмечается, что «зарождение панславизма, впервые появившегося у западных славян, следует рассматривать в теснейшей связи с появлением главного его оппонента – пангерманизма»⁸. (В научной литературе отмечаются как менее распространенные, но все же имевшие место среди западных и южных славян проекты похожих пандвижений италянизации и мадьяризации⁹). Габсбурги с самого начала оценивали идею панславизма как угрозу имперской германизации, тогда как дом Романовых старался не вносить в Священный Союз какой-либо раздор поддержкой разного рода панславистских притязаний. «Русский выходец из Европы» (слова И.С. Аксакова), ставший славянофилом на дипломатической службе в Европе – Ф.И. Тютчев в стихотворении «Два единства» (1870) раскрыл истинный смысл антиномии «панславизм – пангерманизм», основываясь на фразе канцлера Отто фон Бисмарка:

Единство, – возвестил оракул наших дней, –
 Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
 Но мы попробуем спаять его любовью, –
 А там увидим, что прочней...

Отсюда понятно, что пангерманизм был основой внешнеполитической концепции Германии и побудительным мотивом к ее объединению, тогда как правительственный курс России не был направлен на панславистскую экспансию в западном направлении, но скорее направлялся в сторону «восточничества» (главным аргументом для него стало завершение строительства самой длинной в мире Транссибирской железнодорожной магистрали). Данилевский, будучи сознательным и убежденным государственным деятелем, вполне признавал позитивную цивилизаторскую роль России на Востоке (кто только не признавал эту роль, включая даже такого ненавистника Российской империи, как Маркс!). Однако Данилевский выступал за расширение влияния Империи во все стороны, включая и Запад, прежде всего потому, что в этом направлении жило и развивалось милое его сердцу славянство, союз с которым откроет России, как он полагал, мир будущего. Справедливо и метко критикуя такую «болезнь русской жизни», как «европейничанье», Данилевский становился подверженным другому греху, его можно назвать «славяничаньем» (в пору Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. этот грех получил в русском обществе название «славянобесия», ему поддался даже такой «совсем не панславист», как В.С. Соловьев, в патриотическом порыве отправившийся на Балканы корреспондентом катковских «Московских ведомостей», предварительно запасшись револьвером).

Данилевским была декларирована возможность и даже необходимость построения всеславянского союза, основанного на ненасилии и любви, по всем своим признакам имевшего характер не федерации, а конфедерации. Причем необходимость его мотивируется установлением политического равновесия не только в Европе, но и во всем мире. В его книге следует подробное перечисление тех регионов, с площадью в квадратных милях и указанием примерного количества населения, которые могут претендовать на вхождение в Славянскую федерацию. Причем включение в проект ряда регионов вовсе не определяется преобладанием славянского населения,

⁸ Болдин В.А. Панславистские политические концепции. Генезис и эволюция. М., 2018. С. 125.

⁹ Там же. С. 123.

т.к. они имеют в своем составе лишь славянские анклавы (например, Венгрия и Трансильвания). Другие страны в составе предполагаемой федерации вообще не являются славянскими, такие как «Королевство Эллинское». Начертанный Данилевским утопический план при всей своей грандиозности никак не раскрывает конкретных путей и методов его осуществления, что является характерным родовым признаком всех утопий. При всей их государственнической ориентации панславистские планы автора «России и Европы» не могли не войти в противоречие с явным нежеланием российского правительства поддерживать панславизм в качестве государственного политического проекта. Но вопреки этой констатации, «У европейских публицистов преобладало мнение, что “панславизм” есть стремление славянского мира к объединению под предводительством России и именно так, что, быть может, не столько сами славянские племена ищут этого объединения, сколько идет к нему сама Россия, которой вообще приписывался тогда характер завоевательного государства, порядочно дикого, но могущественного и грозящего свободе чуть ли не всей Европы»¹⁰.

Русские панслависты рекрутировались в стане людей свободных интеллектуальных профессий, которые не имели никакого реального влияния на политический курс страны. В действительности их заявления были тем, что принято называть «страстными письмами без обратного адреса». Тем не менее некоторые радикальные панславистские декларации за рубежом создавали иллюзии, что самодержавная Россия «рулит панславизмом» в своих экспансионистских интересах. Так, на Славянском съезде 1876 г., проходившем в России, выдвигались требования, которые переставали быть панславистскими и становились «панрусистскими» (например, обязательное принятие всеми славянами православия и русского языка в качестве государственного). Ясное дело, подобные требования были чисто утопическими, однако они могли создавать ложные впечатления о несуществующей «русской агрессии». Попытки создать некие славянские трансграничные общности в рамках панславизма имели место в истории, например, в начале XX в., но они были кратковременны и были прерваны Первой мировой войной, разделившей славян на разные воюющие стороны (имеются в виду финансовые, экономические и образовательные ассоциации в рамках так называемого неославизма, вроде славянского банка, образовательных и даже спортивных союзов). Примерами подобных ассоциаций после Второй Мировой войны можно считать СЭВ и организацию Варшавского договора, куда вошли все славянские страны, хотя они именовались не славянскими объединениями, а союзническими образованиями в рамках мировой социалистической системы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выходу из печати «России и Европы» предшествовал Славянский съезд и этнографическая выставка, состоявшиеся в Москве и Петербурге в 1867 г. и собравшие большое количество зарубежных славянских гостей (на Первом Пражском Славянском съезде 1848 г. Россию представлял единственный участник – революционный панславист М.А. Бакунин). Разумеется, такое резонансное событие не могло не привлечь внимания автора «России и Европы»¹¹.

¹⁰ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 5.

¹¹ «По сути съезд представлял собой триумфальное – освещенное почти во всех газетах и сопровождавшееся всплеском общественного энтузиазма – путешествие гостей от западных

Данилевский воспроизводит как свои собственные слова, будто сошедшие на страницы его книги прямо из залов и банкетов съезда. Буквально как тост за здоровье славянства звучит следующее: «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгара (желал бы прибавить, и поляка), – после Бога и его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не осуществимо без ее осуществления, без духовно-народно- и политически-самобытного, независимого Славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»¹². Заметим, что гипертрофированное возвышение славянства выглядит едва ли не как срыв в имперском консерватизме Данилевского. По определению он не должен был быть связанным с односторонней этничностью и моноконфессиональностью, ведь среди подданных Российской империи было немало представителей неславянских народов, а среди славян – немало представителей иных конфессий, кроме православных – католиков, протестантов, мусульман (поэтому ссылка на общую для всего славянства святую Церковь выглядит несостоятельной; например, в перечне славянских национальностей отсутствуют боснийцы, исповедующие ислам). Кроме того, текст «России и Европы» не обнаруживает конкретного знакомства автора с трудами классиков австрославизма – чехов и словаков (имена Шафарика, Коллара, Штура и др. только называются на страницах книги). «Не тянет» нарисованная в «России и Европе» версия панславизма и на то, чтобы ее можно было назвать «общеславянским национализмом», поскольку всякий славист скажет, что между сербским и, скажем, хорватским национализмами существует дистанция большого размера. Все это говорит о том, что Данилевский при всей своей широкой образованности имел мало сведений об этноконфессиональной ситуации в Турции и Австро-Венгрии, что неудивительно, поскольку он никогда не бывал в местах расселения западных и южных славян, на Балканах и на Ближнем Востоке.

Принято считать, что впервые слово «панславизм» было употреблено в одноименном труде евангелического проповедника Я. Геркеля, создателя грамматики всеславянского языка (грамматики, естественно, не кириллической, а латинской). Он вышел на территории Австро-Венгрии в 1826 г. и был, на самом деле, своего рода конкретизацией идеи «Die Deutsche Kultur-Nation», или «идеи культурной немецкой нации». Она задумывалась как некий лингвистический эксперимент для австрийских славян в пределах монархии Габсбургов. Таким образом, панславизм возникает первоначально как «австрославизм» для обозначения сначала лингвистической, затем общекультурной (Я. Коллар, 1837) и, потом, – политической интеграции (Людевит Штур, автор книги «Славянство и мир будущего» (1851)¹³.

границ России до Петербурга, их пышную встречу в официальной столице, апогеем которой стал прием у императора в Царском Селе, и, наконец, целый ряд манифестаций, митингов, торжественных заседаний и обедов, организованных сначала в Петербурге, затем в Москве инициаторами съезда» (Майорова О. Славянский съезд 1867: Метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 89).

¹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 107.

¹³ Об этом см.: Павленко О.В. Панславизм. Концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

Несмотря на действительное существование исторической русско-славянской взаимности (правильнее сказать – русско-сербской), панславистской идее всеславянского союза никогда не было суждено реализоваться. Это понял в XIX в. Константин Леонтьев, который служил консулом на Балканах и в Средиземноморье и весьма достоверно изобразил поведение балканских славян в местах их расселения в Османской империи – поведение, наполненное духом индивидуализма, глубоко проникшим в славянскую массу и чуждым проявлениям какого-либо соборного единения. Ему принадлежит определение, ставшее известным афоризмом: «Славянство есть, славизма нет». Константин Леонтьев, который закончил свою жизнь монахом Троице-Сергиевской Лавры, заметил специфическую славянскую склонность к предательству. Он замечал, что отуреченные славянские либералы, наделенные властью и потерявшие свое славянское первородство (их он называл архонтами), ведут себя гораздо хуже по отношению к единоверцам, чем какие-нибудь турецкие паши.

В XX в. тезис Леонтьева расширил и дополнил князь Н.С. Трубецкой, который считал, что «Язык, и только язык связывает славян друг с другом»¹⁴. Трубецкой конкретизировал эту мысль следующим образом: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связывающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” – мифы. Каждый славянский народ имеет особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. “Славянская культура” – тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других нисколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам»¹⁵.

О панславизме в прямом, объединительном смысле, подразумевающим всеславянскую федерацию, впервые заговорил в XVII в. хорват Юрий Крижанич. Однако панславизм как культурно-политический проект выделился лишь в XIX в., он просуществовал до начала XX в. и включал разнородные и противоречившие друг другу идейные и политические течения. Это разные панславизмы, включая так называемый демократический, революционный, либеральный и консервативный панславизм, а также неославизм. Нет никакого сомнения в том, что с самого начала панславизм возник в среде австрийского славянства и Россия «вовсе неповинна в его возникновении». Это слова первого исследователя панславизма Александра Николаевича Пыпина, автора книги «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878). Замысел Трубецкого вовсе не заключался в том, чтобы комплиментарное для русской культуры (хотя только по языковому признаку) славянство могло составить в Европе некую зону противостояния романо-германству. У Трубецкого речь не идет о противопоставлении «России и Европы», в отличие от того, что было предпринято Данилевским. Это вполне соответствовало общему духу его теории локальных цивилизаций, где Россия представляет отличный

¹⁴ Трубецкой Н.С. К проблеме русского самосознания. Париж, 1927. С. 93.

¹⁵ Там же.

от романо-германского – славянский культурно-исторический тип, которому, как он считал, предстоит интегрировать славянство в рамках единой цивилизации. Концепция Трубецкого гораздо масштабнее, он подчеркивает, что его размышления относятся ко всему неромано-германскому человечеству и «касаются не только русских, но и всех других народов, так или иначе воспринявших европейскую культуру, не будучи сами ни романцами, ни германцами». У Трубецкого референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду многосоставности культурных матриц, включенных в различные этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама является моделью человечества. Универсализм Трубецкого, его готовность привести буквально сотни доводов в пользу разнообразных влияний и взаимовлияний на русскую культуру со стороны туранского элемента, соседних тюрок, угрофиннов и кавказцев, категорически расходится с представлениями теоретиков локальных цивилизаций о русской культуре как саморазвивающемся, самодостаточном и замкнутом органическом образовании.

Славянскому объединению всегда препятствовало жесткое культурное и политическое давление со стороны Запада в лице германизма и австрийства, а также со стороны Востока в лице Турции. Вдобавок в славянской среде всегда существовали собственные внутренние противоречия и конфликты, то, что Пушкин называл «спором славян между собою». Причем со стороны своих братьев по крови славяне нередко испытывают более жесткое давление и вражду, чем со стороны угнетателей иного племени.

Русские славянофилы – Хомяков, Киреевский, Самарин, Тютчев и др. – вовсе не были родоначальниками панславизма, – это ложное мнение. Панславистами в Европе в первую очередь стали называть деятелей «славянского возрождения», среди них Шафарик, Юнгман, Челяковский, Караджич, Обрадович, Штур и другие. Со стороны немецких идеологов германизма и австрийства панславизм стал полемической кличкой, имевшей, по сути дела, такое же расистское антиславянское содержание, как впоследствии «Майн кампф» Гитлера. Один из них, Я.Ф. Фаллмерайер, автор работы «Царь, Византия и Восток» (1850) призывал немцев объединить свои усилия вместе с Австрией в борьбе против славянских движений и России. Он называл свою миссию также борьбой с «византизмом», т.е. с православием, «борьбой не на жизнь, а на смерть». Этот антиславянский расизм унаследовал и развил другой немец, Альфред Розенберг, идеолог национал-социализма, чья должность именовалась «начальник Управления внешней политики НСДАП»¹⁶.

Очевидно, что панславизм панславизму рознь. Некоторые панславистские заявления принимают сегодня форму своего рода геополитических мессианистских притязаний вроде открыто обсуждаемых в Польше проектов создания «Великой Речи Посполитой», включающей территории Польши, Белоруссии и Украины. Но история знает примеры и другого, весьма дружественного по отношению к России и вполне сердечного панславизма. Имеется в виду создание первой в своем роде истории русской философии, двухтомника «Россия и Европа» (Йена, 1913), принадлежавшего перу философа, иностранного члена Московского психологического общества при

¹⁶ Об этом см.: Павленко О.В. Панславизм. С. 51–52.

Императорском Московском университете, активиста так называемого младочешского национального движения, Томаша Гаррига Масарика, первого президента Чехословакии.

Противники славянства, не только современники панславизма как реально существовавшего общественного движения, но и наши современники, вносят в эту тему свои ложные, злонамеренные интерпретации, совершенно искажающие реальный исторический смысл в целом благородной, хотя и не реализовавшейся в истории всеславянской идеи. Это тоже своего рода насилие, хотя и не прямое, а идейное насилие, тоже своего рода подавление, искривление исторической памяти, оскорбительное не только для сербов и русских, но и для чехов, словаков и других славян. Возьмем, например, известную монографию Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма», считающуюся классикой современной political science. (Это одна из самых часто цитируемых книг у российских политологов). В своем обширном труде Арендт возлагает на «пандвижения» – панславизм, а равным образом и на пангерманизм, историческую вину за появление в XX в. тоталитаризма в виде большевизма и, соответственно, национал-социализма. Она утверждает, что «... “германские народы” вне рейха или “наши меньшие славянские братья” вне Святой Руси создавали удобную дымовую завесу из права народов на самоопределение в качестве легко преодолимого переходного этапа для дальнейшей экспансии»¹⁷. Согласно логике Арендт, панславизм, будучи распространенным на территории России в форме «племенного национализма», становится общепринятым в среде интеллигенции умонастроением, создающим предпосылки для появления различного рода мессианистских «пандвижений», которые несли в себе зародыши тоталитаризма XX в. Этому, по ее мнению, способствовали специфические обстоятельства жизни в Российской империи, ставшие «облегчающим фактором в подготовке тоталитаризма»: «Хаотические условия этой страны – слишком обширной, чтобы быть управляемой, населенной достаточно примитивными народами без какого-либо опыта политической организации, прозябавшими под непостижимой властью российской бюрократии»¹⁸, порождали атмосферу иррационального антизападничества, характерную для западного тоталитаризма XX в. В этом плане панславизм рассматривается Арендт как идейно-политическое настроение, вполне релевантное тому «смутному и антизападному настроению, которое было в особенной моде в предгитлеровской Германии и Австрии, но захватило также интеллигенцию 20-х гг. по всей Европе». Таким образом, русские мыслители – сторонники идеи всеславянского братства, основанного на любви, в противоположность пангерманизму, объединившему Германию, по Бисмарку, «железом и кровью», – рисуются создателями идеологии экспансионизма, чреватого, будто бы, будущим тоталитаризмом XX в. Среди них – великий русский писатель Достоевский, который оказывается, согласно Арендт, предшественником современного тоталитаризма¹⁹. Обвинения в тоталитаризме звучат на Западе и в адрес Н.Я. Данилевского. Достаточно сослаться на книгу американского историка Р. МакМастера «Данилевский как тоталитарный философ» (1967) и на статьи «Панславизм», опубликованные в «The Encyclopedia

¹⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 311.

¹⁸ Там же. С. 336.

¹⁹ Там же. С. 320.

Americana» и в «Encyclopedia Britannica». Так, в «Britannica» Данилевский характеризуется в качестве панслависта, который «придал русскому национализму биологическое обоснование». В подобных работах панславизм оценивается как причудливый симбиоз имперско-славянофильско-сталинских амбиций, а Данилевский представляется как предшественник сталинокрации.

* * *

В России до начала XX в. не было не только консервативных, но и вообще каких-либо политических партий, и потому любые программы социальных преобразований за невозможностью их реализации в политической практике неизбежно принимали форму утопических философских конструкций, ибо «на утопичность их обрекала сама эта действительность, делавшая невозможной реальную борьбу за конкретные политические цели»²⁰. К числу таких утопических конструкций следует отнести и проект «всеславянской федерации» Николая Данилевского, который нередко и ошибочно характеризуется в качестве изобретателя панславизма. Столь же ошибочно представление о Данилевском как о выразителе идей империалистической панславистской агрессии, имевшей своей целью подчинение самодержавной власти русского царя всех славян Европы, как турецких, так и австрийских.

Принадлежность цивилизационного учения Данилевского к одному из вариантов русского панславизма, многократно отмеченная в данилевсковедении, особенно зарубежном, потребовала необходимого разъяснения. Наибольшее влияние панславизма, распространявшегося с Запада на Восток Европы (а не наоборот) проявилось в XIX в., хотя следы его ведут и в XX столетие. Однако в целом панславизм принадлежит прошлому. Вряд ли можно сегодня разглядеть какую-либо интегральную идею, которая сплотила бы существующие ныне славянские народы. Славяне слишком далеко «разбежались» друг от друга в конфессиональном отношении, население славянских стран включает не только православных, но и католиков, протестантов и мусульман. Среди жителей славянских стран распространена не столько панславистская, сколько панамериканская и антироссийская ориентация, включающая членство в НАТО. Эти очевидные констатации подтверждают невозможность политического союза разноликого славянского мира, понятого как славянское племенное братство на какой-либо единой основе.

Список литературы

- Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 252–258.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Болдин В.А. Панславистские политические концепции. Генезис и эволюция. М.: Аквилон, 2018. 375 с.

²⁰ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 516.

- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: НЛЮ, 2019. 694 с.
- Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // *Данилевский Н.Я. Россия и Европа*. СПб.: Глаголь: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. С. V–XX.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. 513 с.
- Ли Хайянь. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае. Автореф. дис. ... к. филос. н. М.: МГУ, 2010. 20 с.
- Майорова О. Славянский съезд 1867: Метафорика торжества // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 51. С. 89–110.
- Павленко О.В. Панславизм. Концепция панславизма в славистических исследованиях // *Славяноведение*. 1998. № 6. С. 43–61.
- Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М.: Граница, 2002. 195 с.
- Страхов Н.Н. Жизнь и труды Данилевского // *Данилевский Н.Я. Россия и Европа*. СПб.: Глаголь; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. С. XXI–XXXIV.
- Трубецкой Н.С. К проблеме русского самосознания. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. 97 с.

Nikolay Danilevsky: between Slavophilism and Pan-Slavism

Mikhail A. Maslin

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rf@yandex.ru

Nikolay Danilevsky's book "Russia and Europe" was written in hot pursuit of the Crimean War (1853–1856), when the powers of Holy Union broke political equilibrium after the victory of the Russian army over Napoleon and started a new aggressive war against Russia, the only sovereign Slavic state in Europe. The book could be evaluated as an intellectual epilogue of the Crimean War in which there were pointed out two central problems: firstly, to show the sovereignty and future perspectives of Slavic civilization, which has occupied its own legitimate historic place in Europe as an independent cultural-historic type; secondly, to construct the project of the All-Slavic Union as a protective barrier against European invasion. The solution of the first problem was based on the traditions of Russian thought, especially on Slavophilism. So that demonstrated its culmination and specific Russian contribution to the world civilizational theory. The solution of the second problem was based on the "circle of conservative utopia" (A. Walicki) derived from the European Pan-Slavism (Austroslavism), founded on the territory of Austro-Hungarian Empire as early as at the beginning of the nineteenth century. The contradictory combination of Slavophilism and Pan-Slavism is the subject of the historiographical study in the current article.

Keywords: Slavophilism, Pan-Slavism, Austroslavism, cultural-historical types, Russia and Europe, Slavic cultural-historical type

For citation: Maslin, M.A. "Nikolai Danilevskii: mezhdru slavyanofil'stvom i panslavizmom" [Nikolay Danilevsky: between Slavophilism and Pan-Slavism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 4, pp. 5–18. (In Russian)

References

- Aksakov, K.S. “O vnutrennem sostoyanii Rossii” [On the Inner Situation in Russia], in: K.S. Aksakov & I.S. Aksakov, *Izbrannye trudy* [Collected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 252–258. (In Russian)
- Arendt, H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], trans. by I.V. Borisova, Yu.A. Kimelev, A.D. Kovalev et al. Moscow: CentrCom Publ., 1996. 672 pp. (In Russian)
- Boldin, V.A. *Panslavistskie politicheskie kontseptsii. Genezis i evolyutsiya* [Panslavist Political Conceptions. Genesis and Evolution]. Moscow: Aquilon Publ., 2018. 375 pp. (In Russian)
- Danilevsky, N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. An Outlook on the Cultural and Political Relations of the Slavic World towards to the German-Roman World]. St. Petersburg: Glagol Publ.; St. Petersburg St. Univ. Publ., 1995. 513 pp. (In Russian)
- Galaktionov, A.A. “Organicheskaya teoriya kak metodologiya sotsiologicheskoi kontseptsii N.Ya. Danilevskogo v knige ‘Rossiya i Evropa’” [Organic Theory as Methodology of Sociological Conception of N.Ya. Danilevsky in the Book ‘Russia and Europe’], in: N.Ya. Danilevsky, *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: Glagol Publ.; St. Petersburg St. Univ. Publ., 1995, pp. V–XX. (In Russian)
- Li Khanyang. *Teoriya kul'turno-istoricheskikh tipov N.Ya. Danilevskogo v Rossii i Kitae* [The Theory of Russian Cultural-Historical Types of N.Ya. Danilevsky in Russia and China]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2010. 20 pp. (In Russian)
- Mayorova, O. “Slavyanskii s’ezd 1867: Metaforika torzhestva” [Slavic Congress 1867: Metaphor of Celebration], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, No. 51, pp. 89–110. (In Russian)
- Pavlenko, O.V. “Panslavizm. Kontseptsiya panslavizma v slavisticheskikh issledovaniyakh” [Panslavism. Conception of Panslavism in Slavonic Studies], *Slavyanovedenie*, 1998, No. 6, pp. 43–61. (In Russian)
- Pipin, A.N. *Panslavizm v proshlom i nastoyashchem* [Panslavism in the Past and Present]. Moscow: Granitsa Publ., 2002. 195 pp. (In Russian)
- Strakhov, N.N. “Zhizn’ i trudy Danilevskogo” [The Life and Teachings of Danilevsky], in: N.Ya. Danilevsky, *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: Glagol Publ.; St. Petersburg St. Univ. Publ., 1995, pp. XXI–XXXIV. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *K probleme russkogo samosoznaniya* [On the Problem of Russian Self-Consciousness]. Paris: Eurasian Publishing House, 1927. 97 pp. (In Russian)
- Walicki, A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In a Circle of Conservative Utopia. The Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism], trans. by K. Dushenko. Moscow: NLO Publ., 2019. 694 pp. (In Russian)